

Игорь Андреевич Исаев

Московский государственный юридический университет им.

О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва

kafedra-igp@mail.ru

Опасная справедливость: истина и норма

DOI: <http://dx.doi.org/10.12775/SIT.2017.031>

1. Право не есть последняя истина

Если действительность была недоступна для рассудочного понятия, то проникнуть в нее оказалось способным только поэтическое слово, образ: понятие лишь упорядочивает наличное и открытое, образ же порождает новую духовную действительность. Понятие исключает тайну, образ является парадоксальным единством противоположностей в той мере, в какой он одновременно освещает и чтит тьму. Понятие означает экономию, образ – расточительство, понятие упрощает, образ чтит множественность, понятие всеобщее, образ – индивидуален; здесь – упорядочение, экономия, расчлененность, универсальность, прогресс противопоставляются жизни, там – тайна, многообразию¹. («Ночь – это мать дня. Ночь – это время укрытия прошлого божественного и сокрытие грядущих богов. Поскольку ночь, в которой ночует такое укрытие – сокрытие, это не ничто, то в ней есть и своя

---

¹ А. В. Михайловский А. В. Поэт возвращения // Юнгер Ф. Ницше. М., 2001. С. 20–21.

ясность и спокойствие тихой подготовки некоего грядущего». У нее нет бодрости покоящейся игры, но все же есть покойное ожидание (Мартин Хайдеггер).

Но в мире лжепророков и ложных суверенов истина – только «движущаяся толпа метафор», иллюзия, о которой забыли, что она такова, метафора, которая поистрепалась. Стремление к истине, – обязательство, которое нам ставит общество, как залог своего существования, обязательство быть правдивым, т.е. употреблять обычные метафоры, лгать, согласно принятой условности, лгать стадно в одном для всех обязательном стиле», – благодаря неосознанности этого и еще благодатному забвению человек и приходит к чувству истины. Поэтому побуждение к образованию метафор – основное почти инстинктивное побуждение человека. Вырываясь из своих обесплоченных созданий – понятий, он выстраивает новый «окоченелый» мир, человек ищет для своей деятельности какое-то новое царство и находит его в мифе². (Райнхарт Козелек даже утверждает, что «все современные «измы» образованы духовным напряжением между опытом (обобщенным в них наличным бытием) и ожиданием (проектом будущего). Сами эти понятия появляются прежде, чем соответствующие им реалии): метафора с ее «логикой фантазии» (Вико) становится удобным способом познания исторической реальности.

Истина везде, где мы с ней соприкасаемся, связана с властью – в объективном мире благодаря действительности власти, в субъективности отдельного человека – благодаря его побудительной властной воле (Ницше). Однако, «воля к логической истине» неизбежно предполагает некую фальсификацию события». Ницше отрицал, что существуют какие-либо априорные эмпирические или исторические истины: такие истины состояли бы только в соответствии наших мыслей с самими собой и всеобщими законами мысли, а материальная истина – в соответствии законов мысли – с помысленными

---

² Ф. Ницше Ф. Об истине и лжи во внеэтичном смысле. // Философия в трагическую эпоху. М., 1994. С. 258–263.

предметами, с бытием: «Борьба, утверждая волю имморализма против отрицающей волю морали «превращается тогда в борьбу становления против бытия»³.

Великий Инквизитор, как настоящий реалист, оставляет позади себя традиционный дуализм добра и зла, но как человек, искренно верящий в утопию, сам он отчаянно держится за этот дуализм. Действительность делает его циником и прагматиком, но исходя из своих намерений, он благодушно чувствует себя воплощением добра. Эта перевернутая циническая оптика дает логически ясный образец для толкования одного весьма важного феномена: «тот, кто желает властвовать, непременно использует истину, чтобы лгать». При попытке же сделать истину государственной религией, сама она почему-то неизбежно превращается в свою противоположность (как заметил Теодор Адорно, ведь сами по себе «преодоления всегда значительно хуже того, что преодолевается»). Тогда зло становится только «так называемым злом», стоит лишь помыслить его как средство для достижения добра. А добро соответственно становится «так называемым добром». (Как Христос, который «несвоевременно» пришел мешать Великому Инквизитору): за гранью добра и зла их метафизическое различие и вовсе исчезает.

Такая метафизическая нейтральность знаменовала собой приход эпохи модерна, в которой отсутствуют и трансцендентная модель, и четкое различие средств и целей. Теперь любые высказывания о целях выступают как «идеологии». Появляется такой загадочный и угрожающий феномен как масса, своеобразный «духовный животный мир», темная область ложного и несвободного сознания. Но Великий Инквизитор твердо убежден в том, что человек должен и «главное, хочет быть обманут: «Человек нуждается в порядке, порядок нуждается во власти, власть нуждается во лжи».

Занятие же «большой политикой» (но это уже совсем не то, о чем «говорил Заратустра») означает инструментарий тоталь-

---

³ Ф. Юнгер. Ницше. М., 2001. С. 124–125.

ного манипулирования ценностями⁴. Добро и зло встречаются возле жертвенного алтаря – в войне и борьбе выясняется истина и устанавливаются права. Потери компенсируются приобретениями. «Министерства правды» занимаются распространением лжи. Жертвы же чаще всего приносятся за счет третьей стороны, не участвующей в борьбе. Пересмотр всех ценностей сопровождает войны и революции. Зло начинает казаться оправданным и бесконечным. По замечанию Жака Раньера, аксиологическая подмена конкретной жертвы символической инстанцией, противостоящей злу, или абсолютной жертвой, порождает и столь же абсолютное «внеюрисдикционное право» жертвы бесконечного зла. И наряду с этим это право защитником прав жертвы: и жертва же, с этой точки зрения является онтологическим основанием всякой культуры.

Отсюда проистекает и то самое оправдываемое божественное насилие в политическом, о котором говорил Вальтер Беньямин: «справедливость есть принцип любого божественного целеполагания, власть же – принцип любого мифического правополагания [...] Мифическая манифестация непосредственного насилия в глубине проявляет себя идентично любому правовому насилию». Но если мифическое насилие – правоустанавливающее, то божественное – правоуничтожающее; если первое устанавливает границы применимости, второе – безгранично и нелегитимно, если первое является источником вины и позволяет ее искупить, то второе расположено вне пределов конкретной вины и принуждает платить сполна; если первое – грозящее и кровавое, то второе – разящее и бескровное. Здесь правовое сознание стыдливо замалчивает несправедливость и насилие, лежащее в ее основаниях, но порождает чувство вины, т.к. «правовое бессознательное» рождается из «грязного» насилия, и даже «демократическая

---

⁴ П. Слотердайт. *Критика цинического разума*. Екатеринбург, 2001. С. 217–223.

форма права порождена предшествующим ей голым насилием над стихийно сложившимся порядком⁵.

Схематизация правомерной и неправомерной власти, столь свойственная модерну, требует также новой нормативной формы, поскольку речь здесь идет о приписываемом действию. Но эта форма опирается на контрафактические «иллюзорные» ожидания и поэтому воспринимает реальность еще очень неуверенно и неточно. Ведь неправомерная власть тоже является властью, хотя и совсем в ином смысле, нежели это имеет место в случае, когда ложь оказывается истиной. Она являет собой вполне реальную власть, представленную ее правомерным носителем, а не просто возможность, реализации которой – могут ожидать [...] Формирование отношений между властью и правом отличают гораздо больше затруднения, чем формирование отношений между ложью и истиной. Распределение власти может в своей тенденции расстраивать правовой порядок и эта тенденция – если она соотнесена с действием – вынуждает принимать решения, т.е. согласовывать позиции права и власти». «В форме права политическая власть лишь как бы подвергается консервации и может продолжительное время оставаться в распоряжении тех, кто политиками вовсе не является и собственной властью не обладает». Фатальное различие частного и публичного права размыло эту универсальную связь права и политики, хотя некогда именно частное право первоначально и было правом политическим. Политика и решение постоянно первенствовали в альянсе с правом и законом и это давало надежду на то, что правильно понятая справедливость сможет выразиться в праве⁶.

Справедливость осуществляла номинацию, поименование своих производных, нормирование давало им соответствующие имена: «закон», «порядок». (Но пространство «имен и закона» вторично. Посредством имени обозначается и от-

---

⁵ В. В. Савчук. *Время нигилизма. // Судьба нигилизма.* СПб., 2006. С. 206–207.

⁶ Н. Луман. *Власть.* М., 2001. С. 71–72, 146.

граничивается нечто уже существующее, однако начало и конец принадлежали «пустоте», и все история с ее правом, законами и правами происходит из этого истока. Богоустроенная «пустошь» скрывает в себе чистый закон, первомеру всякого человеческого устройства (Фридрих Юнгер). «Пустошь» и «лесные тропы» (пространство смыслообразования, описанное Эрнстом Юнгером) означают некую потаенность, не нуждающуюся в законе. Нормирование же, как производство смыслов, давало возможность суверену формировать мир вокруг себя: мнимый суверен соответственно творил мнимый мир, в котором интерпретации не преследуют истину. Вот тогда-то и рождается неправое право.

Но для лжесуверена такое понимание неприемлемо и бессмысленно. Великий Инквизитор говорил о «тайне, авторитете и чуде», как о главных ценностях грядущего времени. «Смерть Бога» и уход веры не оставляют более высоких критериев и инстанций для формирования смыслов. Теперь категории «смысла» и «целостности» амбициозно претендуют на всезначимость. Но ведь цель сама по себе уже есть некий смысл, предположение, что нечто может быть достигнуто в результате некоего процесса, когда вдруг наступает осознание того, что становлением в общем-то ничего и не достигается – вот тогда-то и приходит нигилизм, разочарование в кажущейся цели становления. Нигилизм наступает, когда во всем совершающемся и подо всем совершающимся навязчиво предполагается некая целостность – «организация». Возникновение нигилизма связано с противопоставлением двух миров – потустороннего, который выдуман как ценный и достойный уважения, и действительного, который и есть мы сами (Ницше).

Ницше называл себя «первым настоящим нигилистом». Переоценка ценностей должна быть непременно тотальной, всеразрушающей и всеотрицающей. Либерализм, демократия, социализм – все политические формы должны уйти в прошлое, а приход «сверхчеловека» должен подготавливать будущее [...] В эпохи, когда только искусство дарует безотчетную общность и единомыслие, несущие на себе «мистический отпечаток и да-

ющие ему столь сильную власть, неизменно существует мощный иерархический элемент, который поддерживает и чаще всего подавляет общественное тело». Вводя авторитет, он обуздывает взрыв народной энергии, сублимируя ее в формах храмов и скульптур: если жизнь – это открытие, движение, завоевания, то стиль – иерархия, охранение, соподчинение.

Кажется, что именно барокко сумел передать модерну искусство имитации как пространственной, так и смысловой через эмблематику и метафору. История, в которой война и армия были придуманы для того, чтобы «стилизировать и за-слонять насилие, а революция, чтобы вносить элемент игры в сущность политических правил, законы – чтобы смягчать, постоянно умиряя инстинкты человека», и великий человек, «сверхчеловек» становился укротителем страстей толпы, которым он умело придавал форму своих собственных страстей, такая история может повториться уже в новых формах. Вместе с законом, который он диктует, великий человек внедряет в мир эстетическое состояние мышления: «Вся история повествует [...] об ожесточенной борьбе индивида с общественным телом, которое стремится его поглотить или которое стремится разрушить он, об их чередующихся победах и временном равновесии»⁷.

Рационально добытая истина – не что иное как только крайняя форма ограничения становления и она становится результатом дрящегося великого заблуждения, идущего еще от Платона и вплоть до Гегеля, – отождествления понятия и бытия. Поэтому избежать этой ошибки позволяет подчеркивание перманентного превосходства различия над тождественностью, движения над покоем, случая над закономерностью, пафоса над логосом. Именно различия по настоящему подобны, аналогичны или тождественны друг другу: «различие есть начало всего, но позади различия уже нет ничего». Поэтому нигилизм отрицает многообразие и становление, он брезгливо рассматривает его как нечто такое, что должно быть заглажено, искуплено, поглощено бытием, многообразие

---

⁷ Э. Фор. Дух форм. СПб., 2001. С. 96–98.

кажется ему несправедливым, подлежащим осуждению и поглощению единым (Жиль Делез). (Так обстоит дело и с наказанием: «никакое деяние не может быть уничтожено [...] В том именно состоит вечное в «наказании существованием, что существование вечно должно быть опять деянием и виной»: пока наконец воля не избавится от себя самой и не станет отрицанием воли»: но это уже будет безумие, предупреждал Ницше).

Гёльдерлин называл хаос и беспорядок по настоящему «святыми». Мыслимый с точки зрения природы, хаос «остается тем метафизическим разверстием, из которого «открывается открытое», ничто действительное не предшествует этому развержению, но лишь постоянно входит в него: «А поскольку природа, будучи до всего, остается начальным, изначально непоколебимым, то она и есть незыблемый закон» (М. Хайдеггер). Но это закон, который узаконивает установление совсем не так, как делает это человеческий закон. И в особенности тот способ, которым «святое устанавливает свой устав», поскольку этот способ есть ниспосланное судьбой, с точки зрения человеческого закона, едва ли можно назвать законным»⁸.

Ницше приписывает Гераклиту следующее выражение: «весь мир для меня – зрелище правящей справедливости». Дочь Зевса Дике (Справедливость) наделяется мирообразующим, миронаправляющим достоинством и смыслом и гераклитово вечное борование являло собой вечную справедливость: «Спор самого множества есть уже чистая справедливость» или соединение живых, противоборствующих друг другу несправедливостей (Ницше).

Истинная суверенность власти рождалась отнюдь не из выборности или борьбы партий: «Бог делает царей в буквальном смысле», он подготавливает царские роды, следит за их созревaniem «среди облаков, скрывающих их происхождение». И только затем они покоряют себе народы и это великое знамение из законности. Они возвышаются без насилия и без

---

⁸ М. Хайдеггер. Разъяснения к поэзии Гельдерлина. СПб., 2003. С. 131, 219.

четкого намерения: Жозеф де Местр называл это чудесное спокойствие и органичность «законной узурпацией».

Законодательство же, на основе которого новая правящая элита осуществляет как свое представительство, так и принуждение, носит двусмысленный характер: оно отягощено всеми неопределенностями понятия справедливости и на основании этого факта и сформировалось мнение о том, что правитель стоит выше закона, т.к. он принимает решения в случаях, законом не предусмотренных. Но эта позиция «над законом» вовсе не означает отрицания самого закона. Более того, оно мыслится как способ сделать закон реально возможным. Закон должен быть дан в творческом действии и применении к конкретной ситуации путем волевого решения. Те, кто находится во власти, выражают силу и справедливость бытия всей группы, но в то же время и свою собственную силу и притязания на справедливость: существование без структуры силы означало бы существование без центра действия⁹. В законе суверена выражается и сознание своего высокого призвания: «справедливость империй – это не только идеология или рационализация иррационального, ведь империя не только подчиняет, но еще и соединяет».

Морально исход борьбы сил может быть только однозначно декретирован признанием одного из борющихся принципов верховной аксиомой моральной жизни. И тогда основанием права служит уже не его собственная правомерность, а фактическая сила образующих и поддерживающих его чувств. Исходя из этого Ницше формулирует свою аксиому «большой политики»: нужно поддерживать и развивать все жизнеспособное и в интересах его преуспевания ускорять гибель всего отжившего: «Берегитесь добрых и справедливых [...] Добрые – всегда начало конца».

Примирение сил (как «возмещение политического ничтожества», – говорил Гегель) состоит в познании необходимости и в праве, которое «нравственность дает своей неорганической природе и подземным силам, уступая и жертвуя им часть

---

⁹ П. Тиллих. *Любовь, сила и справедливость*. СПб., 2015. С. 66–67, 71.

самой себя. Ибо сила жертвы состоит в созерцании и объективации переплетения с неорганическим». Это – настоящее представление трагедии в сфере нравственного, трагедии, которую абсолютное разыгрывает с самим собой, возносясь из праха в сферу прекрасного: «Трагедия состоит в том, что нравственная природа отделяет от себя как свою судьбу, неорганическую природу и противопоставляет ее себе [...], примиряется с божественной сущностью как с единством обеих природ»¹⁰. Единение с «всеобщей волей» не может быть постигнуто и положено исключительно как внутреннее абсолютное величие, но как нечто, что должно быть создано с помощью внешнего отношения или принуждения. Необходима некая высшая положительная точка, с которой началось бы принуждение, трансцендентная точка. Это могло бы быть осуществлено только посредством распределения мощи целого между двумя сторонами, противостоящими друг другу, так чтобы «управляемое принуждалось управлением, а управление управляемым».

Только сверхмощный могуществен, ибо ему должно быть безразлично, является ли что-нибудь границей для другого, поэтому «слабый не есть граница» (кантовский императив здесь исчезает окончательно). Если действие и противодействие обладают равной силой, тогда сила превращается в равновесие и снимается всякая деятельность, волеизъявление и действие¹¹. И вовсе не справедливость здесь творит суд и не суверенная милость диктует здесь приговор, но «только жизнь, как темная, влекущая, ненасытная и страстно сама себя несущая сила». Ее приговоры всегда немилостивы, всегда пристрастны, ибо они никогда не проистекают из чистого источника познания [...]». Жизнь в своей самой несправедливой форме и высшая справедливость каким-то таинственным образом оказываются в сущностном единстве¹². Перенос

---

¹⁰ В. Ф. Гегель. *О научных способах исследования естественного права*. Политические произведения. М., 1978. С. 243.

¹¹ Там же. С. 220–221.

¹² Э. Бертрам. Ницше. Опыт мифологии. СПб., 2013. С. 132–133.

этической оценки на природу и право порождает иллюзию справедливости. Ведь нет доброй по самой себе природы, в которой изначально были бы заложены незыблемые принципы («естественного») права, равноценные для каждого человека.

«Субстанция демоса демонична», она нуждается в очищении для того, чтобы стать действенной силой традиционной политической системы и за пределами этого натуралистического субстрата превратиться в качественно дифференцированный и иерархический порядок. (Юлиус Эвола. «Восстание против современного мира».) Предположение о том, что победа социального уничтожит разрывы и неравенство оказывается нереализуемым. Справедливость же, которая ориентирована на равенство, категорическим образом ограничивает свободу, т.е. суверенность, а попытки достигнуть справедливости посредством нормирования ведут к самым непредсказуемым результатам. Равенство уничтожает свободу. (Рудольф Иеринг утверждал, что все нравственные нормы по сути настоящие социальные императивы, и если концепция позитивного закона столь неустойчива, относительна и изменчива, то тем более эта оценка верна по отношению к нравам и обычаям.)

Нравственность в значительной мере есть лишь эстетическая и «романтическая» категория: суверенное «я» не есть, как это предполагали Кант и Фихте, категория практического разума, это «я» – по-настоящему эстетическое, суверенно распоряжающееся вещами и людьми, не поддающееся мерке и контролю, «я», стоящее выше всякого закона и канона¹³. Представляется, что суверенное в состоянии само творить тот закон, который оно полагает как справедливый.

Такой легитимирующий миф создает большие возможности для последовательного применения власти. Однако уже сама, связанная с этим ангажированность лишает властителя свободы и он вынужден следовать логике предпринимаемых им действий: «если что-либо, как бы властитель к этому ни отно-

---

¹³ В. Баш. Индивидуалистический анархист Макс Штарнер // Штарнер М. Единственный и его собственность. Харьков, 1994. С. 465.

силы, имеет силу закона, он должен проявлять осторожность в выражениях своих предпочтений». Нормативизм, морализм и фактическое применение власти взаимно усиливают друг друга и в таких условиях только прагматическая политика приобретает функциональную первичность в рамках всей социальной системы. Норма и Справедливость продолжают существовать в разных измерениях¹⁴.

2. Опасная справедливость

Модерн уничтожает все идеалистические различия между истинным и ложным, между добром и злом, чтобы установить закон эквивалентности и обмена, железный «буржуазный» закон своего господства. Однако сущность любого баланса сил заключена в том, чтобы скрывать себя как таковое, и он приобретает новую силу лишь потому, что скрывает себя как таковое: «капитал аморальный и беспринципный может функционировать лишь под прикрытием моральной надстройки»¹⁵.

С нормативной точки зрения, содержащиеся в законе волевое решение рождается как бы из ничего: уже по своему понятию оно с необходимостью «диктуется». У Гоббса власть суверена, правда, все еще покоилась на более или менее молчаливо подразумеваемом, но оттого не менее действенном согласии с убеждениями граждан государства, с мнением, даже если эти убеждения и были порождены самим государством; мифологема гласила: «Суверенитет возникает в результате учреждения абсолютной власти народом».

Но в основе закона, по сути своей являющегося повелением, уже лежало то или иное решение относительно государственного интереса, хотя сам государственный интерес возникал лишь в силу того, что такое повеление вступало в силу¹⁶. Решение же как таковое, понималось как действие, высту-

---

¹⁴ Н. Луман. Указ. соч. С. 76.

¹⁵ Ж. Бодрийяр. Симулякры и симуляции. М., 2015. С. 24.

¹⁶ Т. Шмитт. Диктатура. СПб, 2005. С. 41.

пающее в форме преобразования самой действительности, как осуществление чего-либо. Суверенное решение возникало из «нормативного ничто и конкретного беспорядка»: суверен принимал решение не помимо и вопреки еще не существующего внутреннего порядка, но помимо любого порядка как такового, поскольку это решение предполагало наличие господствующего беспорядка. Конкретный же порядок менялся по ходу изменения в характере политических единств, «только по недоразумению обозначенных в теории как государства» (Карл Шмитт).

«Всеобщий характер закона и состоит как раз в том, что он не хочет знать ничего индивидуального и, подобно закону природы, действует без всяких исключений», – полагал Монтескье. Картезианское учение о том, что Бог обладает только «всеобщей волей», а все партикулярное ему чуждо, в переводе на политический язык означало, что государство должно выдвигать в качестве законов только всеобщие и абстрактные правила, а решение об отдельном конкретном случае должно принимать только путем подведения его под общий закон¹⁷. «Бог установил свой закон в природе, подобно тому как король устанавливает законы в своем королевстве» (Р. Декарт): при этом следовало бы также более четко и артикулировано различать саму норму права и норму осуществления этого права.

Системе мысленного, «фантомного» государства соответствует такое правовое устройство, которое «во всем том, что обычно определяет сущность государства, не имеет силы» (Гегель). Акт, исходящий от государственной власти, есть акт всеобщий, он привносит свободную и всеобщую определенность и его осуществление является одновременно его применением: «определенность, падающая на однородную поверхность, может быть непосредственно установлена только государственной властью». Но если то, к чему применен закон, являет многообразие, тогда закон уже не может содержать в себе правило своего применения – «для каждой части материала должно быть установлено особое применение и тогда

---

¹⁷ Там же. С. 128.

между законом и его использованием вклинивается особый акт применения закона», поэтому, считал Гегель, имперский закон не может предначертать общий распорядок линий и разделов, политическая материя противостоит ему в своей специфичности: (и принцип всеобщности и равенства должен был сначала «настолько подчинить себе все целое, чтобы заменить обособление сословий их последующим смешением») ¹⁸.

Но не в самом действии, а в бытии лежит настоящий центр ценности и Ницше представляет нам своеобразную комбинацию понятий: с одной стороны – объективная оценка, таксирование всех социальных форм по их «высоте», с другой – зависимость этических ценностей исключительно от самой личности, ее свойств, но не действий. В основу такой трактовки положено возможно высокое осуществление идеала мощи, пусть даже он и достигается ценой насилия и жертв, но только тогда он и становится объективной действительностью ¹⁹.

Субъективное становится объективным, формируя единство по собственному усмотрению: «сверхчеловек», этот «лже-суверен» с его фантастическими свойствами становится эталоном для социальности. Классы и сословия растворяются в едином «высококачественном» человечестве, нации – в глобальной и невидимой империи. Приходит новая эра.

Гете говорил, что совестью наделен только отрешенно созерцающий, – Ницше словами Заратустры заявлял: «я не люблю вашу холодную справедливость, ведь у справедливости и объективности нет ничего общего». Справедливость есть сила и признак силы, деятельная добродетель, поэтому и творить суд может только превосходящая сила, слабость же должна быть терпимой, если она не хочет симулировать силу и превращать в комедию суд, творимый справедливостью. Лишь тот, кто создает будущее имеет право судить прошлое».

---

¹⁸ Ф. Ф. Гегель. Конституция Германии. Политические произведения М., 1978. С. 106–107, 238.

¹⁹ Г. Зиммель. Фридрих Ницше. Избранное. Философия культуры. СПб., 2013. С. 402–403.

Поэтому следует научиться постигать «необходимую несправедливость, как нечто неотделимое от самой жизни, а саму жизнь – как обусловленную перспективным началом и его несправедливостью»: художник-законодатель у Ницше имеет веру, которая сама по себе есть несправедливость и ограниченность по отношению к вере других людей. Справедливость здесь даже превращается в некое разрушительное начало, становится опасным влечением к хаосу²⁰.

А хаос – это такое состояние, в котором воля действует как бы до времени и пространства, до моментов жизни и смерти; она ограничивает себя таким образом, что все переходит из одного в другое без какого-либо определенного порядка, при этом она сама ничего не создает и не формирует: но из хаоса впервые вырывается сформированное становление, «зачинающее и структурирующее самое себя». Хаос присутствует всегда и постоянно и поскольку чистая воля ничего не создает, то и «учение о всеобщности воли также еще ничего не дает познанию, а учение о воле к власти нуждается в дополнительном учении о полномочиях самой этой воли к власти...» «Ведь волей к власти можно и злоупотреблять»²¹.

У Ницше право, как воля к «увековечиванию соответствующих отношений власти» неизбежно превращалась либо в бесконечное накопление законов и господство «желаний посредственности», либо смыслом права становилось обеспечение «иерархии созидających», господ. В первом случае законодатель есть только безличный законотворческий механизм, во втором – настоящая личность, в каком-то смысле даже большая, чем закон²²: в первом случае идея явно отдавала духом древнего арианства, которое очень скоро породило Левиафана, «земного бога».

«Принцип единовластия, утратившего всякую персонификацию и личностность, принял в новейшее время безликую

---

²⁰ Э. Бертрам. Указ. соч. С. 133–134.

²¹ Ф. Юнгер. Ницше. С. 143–144.

²² К. Ясперс. Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб., 2004. С. 364.

форму господства «никто», некоего гипотетического единства общественных интересов и мнений. Феномен господства этого «никто», правда, был уже известен из многолетней истории «социальнейшего из всех государственных формирований» – бюрократии, которая окончательно приходит к господству на последней стадии развития абсолютной монархии и перехода к просвещенному деспотизму. Однако «господство обезличенного «никто» настолько не означает отсутствия господства, что при известных обстоятельствах способно, оказаться одной из самых мрачных и тиранических форм правления», – предупреждала Хана Арендт, – и тогда победа равенства в современном мире будет лишь политическим и юридическим признанием того факта, что социум окончательно овладел сферой публичной открытости, того места, которое когда-то было предназначено для политического проявления личности²³. Но означает ли уход личности из сферы публичной в сферу частную расширение суверенности и ограничение суверенитета «ничто»?

Великий Инквизитор у Достоевского хотел бы осуществить суверенные цели, «недостижимые для Христа», поэтому он силен, властолюбив и деспотичен. И соловьевский антихрист пользуется всеми средствами временной власти, проявляя силу убеждения, широту ума, либерализм и прогрессивные взгляды²⁴. На первом – маска «монархиста», на втором – «демократа»: но только маска. Ложный суверен царствует над «фантомным» царством, в котором только зло и является по-настоящему реальным. Исчезновение суверенности как свободы неизбежно ведет к господству суверенитета как статуса, пустой формы, которую спешит заполнить чья-то нежданная сила. Вполне реальный инквизитор Шпренгер записал во введении к знаменитому кодексу: «В наше время, когда вечер мира клонится к полному закату, старое зло, не прекращающееся ни на одну минуту, в силу неиссякаемого вреда своего падения, насылать на мир полную яда заразную

---

²³ Х. Арендт. *Vita Activa или о деятельной жизни*. СПб., 2000. С. 54–55.

²⁴ А. Безансон. *Извращение добра*. М., 2002. С. 69.

чуму, особенно отвратительным образом проявляет себя, так как в своем великом гневе чувствует, что в его распоряжении осталось мало времени»²⁵. И является ли случайным тот исторический факт, что автор классически разработанной теории государственного суверенитета Жан Боден, так долго трудился именно над своей «Демонологией»?

СОДЕРЖАНИЕ

Опасная справедливость: истина и норма

Аннотация: Статья посвящена одной из самых фундаментальных проблем философии права – взаимодействию власти и закона в широком смысле этого слова в поиске истины, столь важной для управляющих и управляемых. В рамках большой политики нормирование постоянно сталкивается с силой авторитарности, порождая формы правомерного и неправомерного властвования. Религиозные и онтологические ценности взаимодействуют с процессами секуляризации, когда политика выходит из-под контроля нравственных установок. В такой ситуации даже справедливость, важнейший критерий морали и права, может оказаться не только относительной величиной, но и опасным фактором. Массовость и механизмы современных обществ, как кажется, склоны к такому превращению.

Ключевые слова: власть; закон; право; нравственность; легитимность; легальность; справедливость; авторитарность; равенство; порядок

SUMMARY

Threat of justice: truth and norm

The Article is devoted to one of the most fundamental problems of the philosophy of law – the interaction of government and law in the broad sense of the word in the search for truth, so important for the governing

---

²⁵ Цит. по: Левинский С. Роковая книга Средневековья // Шпренгер Я., Инститерис Г. Молот ведьм. Саранск, 1991. С. 63.

and the governed. In the framework of a larger policy the regulation is constantly faced with the force of authoritarianism, giving rise to forms of lawful and unlawful ruling. Religious and ontological values interact with the processes of secularization, when the policy comes out from under the control of moral principles. In this situation, even justice, the most important criterion of morality and law, may be not only relative, but also a dangerous factor. The extent and mechanisms of modern societies, as it seems, are the slopes for such a transformation.

Keywords: power; law; right; morality; legitimacy; legality; fairness; authoritarianism; equality; order

BIBLIOGRAFIA

- Arendt H., *Vita Activa or active life*. SPb., 2000.
- Besançon A., *The Perversion of the good*. M. 2002.
- Bertram E., *Nietzsche. Experience mythology*. SPb., 2013.
- Baudrillard J., *Simulacra and simulation*. M., 2015.
- Hegel V. F., *On scientific methods of research of natural law // Political works*. M., 1978.
- Hegel V. F., *The German Constitution. The political works of*. M. 1978.
- Simmel G., *Friedrich Nietzsche // Favorites. Philosophy of culture*. SPb., 2013.
- Luhmann N. Power. M., 2001.
- Levinsky S., *Fatal Medieval book // J. Sprenger, G. Institoris Hammer of the witches*. Saransk, 1991.
- Mikhaylovskiy A. V., *The Poet of the return / F. Yunger // Nietzsche*. Moscow: Praxis, 2001.
- Nietzsche F., *About truth and lies in nerastvorim meaning // Philosophy in the tragic era*. M., 1994.
- Savchuk V. V., *The Time of nihilism // The Fate of nihilism. E. Jünger And M. Heidegger, D. Camper, G. Figal*. SPb., 2006.
- Sloterdijk P., *Critique of cynical reason*. Ekaterinburg, 2001.
- Tillich P., *Love, power and justice*. SPb., 2015.
- Faure E., *Spirit of forms*. SPb., 2001.
- Heidegger M., *Clarifications to the poetry of hölderlin*. SPb., 2003.
- Schmitt K., *Dictatorship*. SPb., 2005.
- Jünger F., *Nietzsche*. M., 2001.
- Jasper K., *Nietzsche. Introduction to the understanding of his philosophizing*. SPb. 2004.